

партия в период мирового экономического кризиса. М., 1967; *Мочульский Н. Ф.* Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны. М., 1968; *Гурович П. В.* Английское рабочее движение накануне второй мировой войны. М., 1967; и др.

⁶ См.: *Gallacher W.* The Last Memoirs. L., 1966; *Gallacher W.* The Rolling of the Thunder. L., 1948; *Gallacher W.* The Chosen Few: A Sketch of Man and Events in Parliament. L., 1940; *Gallacher W.* Speeches in Parliament. L., 1937—1938.

⁷ См.: Коммунистическая партия Англии в борьбе за массовый единый фронт пролетариата. М., 1935.

⁸ *Мочульский Н. Ф.* Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны. М., 1968. С. 296.

⁹ *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии. М., 1962. С. 258.

¹⁰ *Communist Review.*

¹¹ Коммунистический Интернационал. 1935.

¹² *Поллит Г.* Избранные статьи и речи (1919—1939). М., 1959. С. 147.

¹³ *Поллит Г.* Испания и ее действительность: Письма из Испании. М., 1937. С. 24—26.

¹⁴ *Hutt A.* The Post-War History of the british Working Class. L., 1938. P. 24—26.

¹⁵ *Rust W.* Britons in Spain. L., 1939. P. 6.

¹⁶ *Gallacher W.* The Chosen Few: A Sketch of Man and Events in Parliament. L., 1940. P. 48.

¹⁷ *Gallacher W.* The Last Memoirs. L., 1966.

¹⁸ *Gallacher W.* Speeches in Parliament. L., 1937—1938. P. 23.

¹⁹ *Daily Worker.* 1938.

²⁰ *Gallacher W.* The Rolling of the Thunder. L., 1948. P. 207.

²¹ *Essays in Honour of William Gallacher.* B., 1966. P. 20.

Л. М. МАКАРОВА
Сыктывкарский университет

Оценка немецко-фашистского «нового порядка» в буржуазной историографии

Избранная тема недостаточно изучена в отечественной историографии, специальных историографических работ нет. В исторических работах экономическое и политическое содержание «нового порядка» рассматривается изолированно [См.: 1], попытки проследить связь идеологии и практики касаются только частных вопросов — например, государственного права [См.: 2].

Источниковую базу исследования составили труды по истории германского фашизма, второй мировой войны, фашистской идеологии и пропаганды, вышедшие в 40—80-е гг. в США, Великобритании, Франции, частично ФРГ.

Цель работы — проанализировать трактовки в буржуазной историографии фашистских методов и планов господства, определить ведущие методологические принципы, применяемые при изучении данной темы. Основное внимание уделяется анализу

буржуазных суждений по следующим вопросам: сущность «нового порядка» с точки зрения единства фашистской внутренней и внешней политики; соотношение политических, экономических и социальных сторон «нового порядка».

Центрами изучения проблемы в 40-е гг. становятся Великобритания и США. В появившихся там работах фашистская установка на войну и захваты показана достаточно четко; наблюдается традиционное стремление проследить происхождение идеи «нового порядка» и самого термина.

Английский исследователь П. Айнциг в работе 1941 г. отмечает, что термин впервые был введен японцами в конце первой мировой войны и означал систему контроля захваченных территорий, традиционный вариант «судьбы побежденных». В то же время автор оговаривается, что японским был только термин, за которым стояла чисто немецкая идея, существовавшая достаточно давно. Ранними ее формами, повторяя работы предшествующего периода [3. Р. 12], он полагал идею «срединной Европы» и «натиска на Восток»¹. Исходя из определения, главным в «новом порядке» Айнциг считает контроль Германии над оккупированными территориями Европы (он рассматривает только Польшу и Чехословакию). Он отметил, что хронологически схема «нового порядка» должна была появиться не ранее последней фазы завоеваний на Западе, а именно летом и осенью 1940 г., после капитуляции Голландии и Франции. Тогда более явными стали различия между пропагандой и практикой фашизма. Эти его суждения не расходятся с принятыми позднее в отечественной и зарубежной марксистской историографии [4. С. 55; 5. С. 241; 6. С. 47].

Что касается сущности «нового порядка», то Айнциг ограничился простым перечислением основных признаков: в политическом плане — это слепое подчинение Берлину, экономически — полный контроль со стороны Германии; социальный аспект проблемы автор не рассматривал. Важными являются попытки Айнцига опровергнуть заявления фашистской пропаганды о расцвете экономики на оккупированных территориях: он считает, что судьба Польши и Чехословакии достаточно красноречиво свидетельствует о противном.

Концепция Айнцига несколько противоречива: он относит понятие «новый порядок» скорее к пропагандистским, чем к имеющим реальное содержание терминам. По его мнению, основное отличие фашизма состоит именно в пропаганде, призванной маскировать при помощи беспримерной демагогии и лицемерия давно всем известные явления; специфика практики фашизма в этом случае не выявляется. Подобные взгляды достаточно распространены в буржуазной историографии и более

¹ В отечественной историографии этот вопрос подробно рассматривает В. П. Газин [См.: 1. С. 5—14].

позднего периода [7. Р. 283; 8. Р. 90]. Тем не менее в работе Айнцига, единственной из изученных периода 40-х гг., прослеживается косвенное упоминание связи фашизма с империализмом в его экономическом, а не политическом понимании² [9. Р. 1—5].

Одновременно с работой Айнцига также в Лондоне вышла книга Дж. Ивенса о фашистском «новом порядке» в Польше: Ивенс считает Польшу исключением, хотя его работа написана уже после оккупации Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании. Основанием для таких суждений послужило мнение генерал-губернатора оккупированной территории Польши Г. Франка, назвавшего Польшу наиболее ярким примером стран, находящихся «под германским влиянием». В частном случае Ивенс прав — оккупационный режим на территории Польши и СССР отличался особой жестокостью, что подчеркивают и марксистские исследователи [10. S. 367—368; 11. С. 7]. Возможно поэтому именно с Польши, а не с Чехословакии или Австрии, считает автор, началось внедрение фашистского «нового порядка» [12. Р. 9—17]. Его трактовки отличаются меньшей обстоятельностью сравнительно с работой Айнцига.

В то же время, хотя книга Ивенса посвящена частной проблеме, в ней в большей степени делается попытка обобщения фашистских планов. Термин уже не привязан только к оккупированным территориям. Автор отмечает два варианта фашистских способов подчинения Европы, один из которых — непосредственное завоевание, второй — контроль стран с антидемократическими режимами. Различий в формах господства Ивенс не рассматривает, специфику оккупационной политики — в частности, расчленение оккупированных территорий, что на примере Польши отчетливо проявилось с октября 1939 г. [11. С. 25], — не отмечает. Хотя у Ивенса явно наблюдается попытка обобщения — он, например, пишет, что нападение на СССР лишний раз подтверждает закономерности в фашистских действиях — тем не менее существо вопроса здесь так же неясно, как в работе Айнцига. Подчинение, по мнению Ивенса, включает политику, цензуру, экономику [12. Р. 9].

Помимо экономики и политики, серьезное внимание уже в первый период исследователи уделяют проблемам подчинения культуры. В работах Ивенса, Московица, Сигела, бельгийских исследователей Деландсхира и Оомса приводится большой фактический материал, касающийся унификации культуры на оккупированных территориях [13; 14. Р. 361—363]. Однако тема подчинения культуры не вписывается в общую структуру их суждений о «новом порядке». Несколько более теоретичной является работа Ивенса, где преследование культуры связывается

² В политическом смысле буржуазная историография оценивает империализм как систему захватов, безотносительно к формации.

с национальной проблемой [12. Р. 113—114, 118—119]. Частично этот вопрос затрагивает Сигел, но весь смысл «нового порядка» в Польше он видит в том, чтобы оставить польский народ невежественным. Ценно его наблюдение — правда, на уровне констатации факта — о различии политики по отношению к польской культуре на присоединенных и оккупированных территориях [15. Р. 91, 95—97]. В работе Ф. Ноймана, немецкого эмигранта в США, делается попытка отметить взаимосвязь фашистской идеологии и практики, намечается междисциплинарный подход к проблеме — он говорит о необходимости привлечения социологических методов при изучении фашизма. Сама эта идея не нова, социология и социальная психология применялись в 40-е гг. в США при изучении проблем фашизма, но при рассмотрении «нового порядка» названные методы не использовались. Работа Ноймана носит отпечаток начавшей складываться в 40-е гг. доктрины тоталитаризма [16. Р. 30—40]. Тем не менее польский историк Ф. Рышка считает его концепцию близкой к марксистской [17. S. 7].

Особо следует отметить работу У. Дьюэла, берлинского корреспондента чикагской газеты. Это типично публицистический труд с большим количеством фактического материала, преобладанием описательности. Но именно здесь впервые в изученной литературе понятие «новый порядок» справедливо распространяется на Германию, правда, без рассмотрения сходства и различия ситуации в Германии и на оккупированных территориях [18].

Планы фашистов в Европе пытался также определить австриец Р. Коуденхов-Калерги³. Анализ книги А. Гитлера «Моя борьба» позволил ему — в русле уже сложившейся традиции [3; 9] — считать «новый порядок» модифицированной попыткой создания «европейской федерации под германским влиянием». Автор пришел к выводу, что инициатива создания такой федерации принадлежала К. Хаусхоферу, Я. Шахту и В. Функу, а Гитлер лишь заменил федерацию господством. Различия в политике по отношению к отдельным территориям автор не прослеживает, вопрос интересует его в связи с раздумьями о судьбах бывшей Австро-Венгрии. Суть фашизма он тоже не отмечает, для него все захваты объясняются только пристрастиями отдельных лиц, но в целом притязания фашистов он воспринимает болезненно, поскольку видит в них конкурентов собственной идеи пан-Европы [21. Р. 156]. В отечественной историографии Р. Коуденхов-Калерги считается представителем буржуазно-либерального направления.

Параллельно с вопросом о масштабах фашистских территориальных притязаний и о содержании «нового порядка» ис-

³ В последние годы в связи с актуальностью изучения европейской идеи его концепция вновь привлекает внимание исследователей [См.: 19. С. 61—62; 20. С. 87; 1. С. 8].

следователи в 40-е гг. рассматривают проблему сущности власти при фашизме. По их мнению, жесткая концепция власти — одна из ведущих частей идеологии как германского, так и итальянского фашизма, тесно связанная с политической иерархией [22. Р. 22]. Исследователи правы лишь постольку, поскольку перечисленные признаки содержат элементы антидемократизма — действительно одной из характерных черт фашизма. Э. Людвиг пытался представить антидемократизм как черту, изначально присущую немецкой национальной психологии, отметив, что понятие иерархии — основной критерий при определении немцем его места в системе. А поскольку иерархия имеет форму пирамиды, то в глобальном ее варианте немцы видят себя на самой вершине [23. Р. 21, 30—31]. В работах также много говорится о фашистской абсолютизации государства как «орудия борьбы», но без анализа специфики фашистской политической системы, без связи с отмеченной выше концепцией власти фашизм фигурирует в них лишь как «философия борьбы» [24. Р. 2].

В 50-е гг. в работах рассматривается единство фашистской теории и практики, однако проблема изучения «нового порядка» отходит на второй план. Применение термина так или иначе обязывало бы отметить специфику фашистских методов не только захвата, но и осуществления оккупационной политики. Максимальное внимание уделяется двум вопросам: борьбе фашизма с коммунизмом и завоеванию «жизненного пространства». Примером может служить работа либерального американского исследователя Б. Кляйна [25. Р. 18]. Однако в его работе, как и во многих других, не рассматривается эволюция термина «жизненное пространство»⁴, не учитываются его экономические параметры. Больше внимания уделяется политической системе, но, как и в 40-е гг., она анализируется по частям. В этот период можно считать новой попытку более широкого рассмотрения нормативной стороны фашистской политической системы⁵. Либеральный исследователь ФРГ В. Нимеллер, брат известного антифашиста М. Нимеллера, абсолютизируя фашистское манипулирование правом, считает, что в Германии оно было низведено до уровня оправдания насущных политических потребностей [28. С. 7—8]. Источником для таких суждений послужили материалы процесса 1937 г. по делу М. Нимеллера. Проблема подается отдельно от политической системы в целом, явление разоблачается, но не анализируется. Примерно в том же духе рассматривает вопрос американский исследователь Е. Пассент. Правда, он связывает юрисдикцию и завоевания, отмечает, что юрисдикция обеспечивала будущее господство как над оккупированными странами, так и над сател-

⁴ Эта проблема подробно рассматривается в историографии ФРГ [См.: 26].

⁵ Структура политической системы дается в соответствии со схемой, изложенной в работе [27: С. 19].

литами [29. Р. 231—233]. Из других аспектов политической системы, как и в предшествующий период, уделяется внимание усилению роли государства, но тоже без каких-либо комментариев [30].

В 60—80-е гг. расширяется круг проблем, что способствует более четкому уяснению их взаимосвязи. Наибольшее внимание исследователи уделяют выявлению специфики фашизма и в этой связи стремятся соотнести его с предшествующей историей Германии. Вновь пробуждается интерес к терминологии и масштабам завоеваний. Так, американские консервативные исследователи Ц. Касинелли и М. Дилл полагают, что «новый порядок» в фашистском понимании должен был возникнуть на руинах прежних экономических и политических институтов, что фашисты уничтожили традиционные связи между правительством и опорами социальной ответственности и власти, в результате чего возникло тоталитарное государство. Речь идет, собственно говоря, об изменениях в политической системе, перемещении акцентов с одних элементов на другие⁶. Радикальность наступивших изменений позволила Диллу считать фашизм революцией, сущность которой — утверждение «расы господ» [32. Р. 342]⁷.

Основная задача Касинелли заключается в попытке показать идеологическую несостоятельность «нового порядка», способного, по его мнению, скорее отталкивать, чем привлекать как рядовых немцев, так и функционеров. Реализация «нового порядка» представляется Касинелли туманной, а поскольку войну как фашистское средство регулирования внешнеполитических проблем он не учитывает, суть вопроса остается нераскрытой [33. Р. 72, 74]. Касинелли — воинствующий антикоммунист, его статья написана с позиций доктрины тоталитаризма. Судя по ссылкам в основном на литературу, цели работы скорее политические, чем научные.

На III Международной конференции по проблемам второй мировой войны, состоявшейся в сентябре 1963 г. в Карловых Варах⁸, общая оценка оккупационной политики как единой схемы фашистских действий, имеющих целью завоевание Европы, была дана историком из Триеста социалистом Э. Колотти. Он отметил более жесткий характер оккупационного режима на восточных территориях, где впервые реализовался «новый порядок». Важным является наблюдение Колотти, что оккупация

⁶ Этот вопрос достаточно полно рассматривают венгерские исследователи М. Ормош и М. Инде [См.: 31. С. 32—33].

⁷ Сочинения Дилла популярны в США, его книга входит составной частью в 16-томное издание Мичиганского университета. Дилл руководит политучебой в ВС США.

⁸ В связи с этой конференцией в СССР был издан сборник [См.: 34]. От СССР на конференции присутствовал Е. А. Болтин. Представителей ГДР и ФРГ, по-видимому, не было.

была только началом будущего подчинения. Однако «новый порядок» как продолжение на оккупированных территориях политики, начатой в Германии, не рассматривается [35. Р. 10—11, 15]. Колотти не отмечает единства внутренней и внешней политики германского фашизма.

С конца 50-х — начала 60-х гг. отмечается появление в разных странах — США, Великобритании, Франции — попыток соотнести фашизм со средневековыми отношениями в области политики. Отправной точкой для подобных суждений является фашистский термин «рейх», означающий, как известно, государство и империю. В работах абсолютизируется второе значение. По мнению, например, американского исследователя Р. Коуля, термин «новый порядок» означал стремление восстановить империю — легендарный «тысячелетний рейх», наследие Оттонов и Гогенштауфенов. На этом основании Коуль ошибочно полагает, что фашистская модель политических отношений — феодальная, хотя в пропаганде и содержатся апелляции к отношениям веймарского периода [36. Р. 921—922]. Базой для таких суждений являются для Коуля не источники, а высказывания историка Р. Кулбона в общей работе по феодализму [37. Р. 364—395]. Подобные семантические манипуляции близки лингвистической комбинаторике фашистской пропаганды. Произвольно, не анализируя сущности феодальной формации, Коуль переносит на фашистское государство отмеченные Кулбоном признаки, среди которых на первом месте — крайняя дезинтеграция государства и общества. Вопрос о дезинтеграции не нов, аналогичная точка зрения, но без связи с феодализмом, встречается в работах по истории Германии [См., напр.: 32. Р. 342].

Феодальную сущность фашизма Коуль объясняет отсталым развитием Германии, сохранившейся феодальной аристократией. Реальная промышленная ситуация, по его мнению, учитывалась только в пропаганде, на деле же фашистская теория все более поворачивала к средневековой модели политических отношений с целью противостоять «римской легалистической структуре». В этом Коуль усматривает основное отличие германского фашизма⁹ [36. Р. 922].

В целом для Коуля характерно стремление не столько изучить фашизм, сколько противопоставить одну его разновидность другой, что сближает его концепцию с «теорией фашизмов» западногерманского либерального исследователя В. Шидера.

Связующим звеном между феодализмом и фашизмом Коуль считает феодальный рыцарский орден и охотно видит в НСДАП и СС наследников орденских традиций, не замечая различий

⁹ Анализ В. И. Михайленко итальянских планов «нового порядка» убедительно показывает сходство экспансионистских установок итальянского и германского фашизма [См.: 1. С. 38—47].

между фашистской пропагандой и практикой. Положительной в его работе можно считать лишь попытку соотнести фашистские принципы социального деления внутри страны и на оккупированных территориях [36. Р. 924, 928].

О значении «немецкого ордена» как ненаследственной фашистской элитарной организации «меча и орала» примерно в этот же период пишет английский исследователь А. Чендлер, но отнюдь не считает его появление данью феодализму [38. Р. 76]. Терминологические заимствования из феодальной истории действительно встречаются в речах и писаниях фашистских функционеров, и буржуазные исследователи отмечают это обстоятельство. Г. Штейн, в частности, приводит обращение Г. Гиммлера к СС с призывом следовать примеру Оттонов [39. Р. 247]. Тем не менее в некоторых случаях попытка фашистов опереться на историческую традицию и придать таким образом больше весомости собственной пропаганде выдается за суть явления.

Весьма своеобразно оценивают «феодалные проявления» фашизма в Сиракьюсском университете США. Например, Д. Орлов, один из профессоров университета, считает дезинтеграцию административной структуры Германии весьма близкой к феодальной [40. Р. 20—21]. М. Баркин несколько реалистичнее говорит о «сознательном медиевизме», предполагающем формальное заимствование. Но вместе с тем, ссылаясь на Н. Кона, известного английского специалиста по религиозным движениям средневековья, считает фашизм апокалипсическим движением, порожденным бедствиями предшествующего периода истории Германии¹⁰ [41. Р. 186, 192]. Методологически эти суждения относятся к проявлениям реакционного идеализма.

Для исторических сочинений в 60—80-е гг. по-прежнему характерно стремление определить сущность и основные черты фашистской политики. Американские исследователи Г. Штейн и Р. Сесл подчеркивают единство внутренней и внешней политики фашизма, направленной против «европейско-большевистской революции недочеловеков», за нордическую Германию, а позднее — нордическую Европу. Однако единство целей указано вне контекста «нового порядка» как системы политических, экономических, социальных мер [43. Р. 245; 45. Р. 72].

Ф. Бертен считает ведущей чертой всех течений, примкнувших к «новому порядку», антикоммунизм. Такое суждение дает возможность несколько иначе понимать термин — как конгломерат в первую очередь фашистских территорий, затем территорий под управлением коллаборационистов [46. Р. 8]. Неясно, входят ли в это понятие оккупированные районы типа генерал-губернаторства, где коллаборационизм отсутствовал.

В очень сумбурном и поверхностном изложении М. Биддиса

¹⁰ Тезис о религиозном характере фашизма широко представлен в буржуазной историографии [См., напр.: 42. Р. 295; 43. Р. 262; 44. Р. 114].

говорится о «новом порядке», первоначально континентальном, а впоследствии (потенциально) глобальном. Содержание понятия неясно, автор называет только новую политическую структуру, облеченную в расистскую терминологию, со сверхнациональной элитой во главе. Центр размещения элиты предполагалось локализовать в Бургундии. Отметив в качестве основы расовую концепцию, автор таким образом включил в «новый порядок» и германскую территорию. Однако по непонятным причинам (ссылок на источники нет, поэтому неясно, каким материалом автор оперирует) Биддис полагает, что экономические и стратегические соображения фашистами не учитывались. Судя по всему, главная задача автора — представить «новый порядок» как нечто среднее между слабоумием и расизмом Гитлера [47. Р. 230].

Наряду с рассуждениями о формальном единстве «нового порядка» с точки зрения его целей и результатов, некоторые исследователи придерживаются тенденции рассмотрения отдельных его элементов, иногда с последующим их объединением. И. Крамник и Ф. М. Уоткинс, отметив единую цель фашистской Германии как «полное революционное преобразование существовавших ценностей и учреждений» во имя расы господ, делают вывод, что в отличие от итальянского фашизма, который стремился к процветанию одной национальности, «раса господ» германского фашизма могла происходить не только из Германии, но Великобритании, США, скандинавских стран. Аналогичной точки зрения придерживаются А. Рубин, Х. Мальтиц [48. Р. 84, 87, 89; 49. Р. 53; 50. Р. 55].

Х. Мальтиц, немецкий эмигрант в США, оперирует понятием «оккупационный режим», с Германией проводимую там политику не объединяет, поскольку германские фашисты неоднократно подчеркивали отличное от собственной территории обращение с оккупированными землями, о чем в монографии приводятся многочисленные сведения. Завоевательные планы германского фашизма у Мальтица подразделяются на «традиционные» — в отношении Франции и славян и «нетрадиционные» — в отношении Великобритании. Такой подход исключает их оценку как единых, хотя автор и говорит о мировом господстве как конечной цели. Помимо этого Мальтиц верно считает, что биологическая чистота была только пропагандистским тезисом, поскольку в случае тенденции к сотрудничеству границы «арийской расы» легко раздвигались, что обусловило принципиально иной характер оккупационной политики на Западе сравнительно с Востоком, где методом регулирования отношений с «мятежными славянами» была беспредельная жестокость. При отдельных верных наблюдениях оценку фашизма автор дает с позиций доктрины тоталитаризма, определяющей общий тон монографии [50. Р. 40—43, 53, 66—71, 200—201].

Исследователи обращают внимание на полное временами

несоответствие оккупационной политики и мероприятий внутри Германии — поощрение пацифистских настроений, отличную от германской религиозную политику [51. Р. 450] — однако диалектического единства этих противоречий, воплощенного в фашистской концепции человека, они не видят, хотя эта точка зрения появилась в католической философии еще в 1948 г.¹¹

В сравнительно редких случаях исследователи делают попытку анализа экономического содержания «нового порядка». Наиболее распространена оценка фашистской политики как простого ограбления оккупированных территорий [См., напр.: 53. Р. 53]. Более конкретную характеристику этой политики дает английский школьный учитель М. Филипс в статье, написанной по материалам его диссертации и посвященной немецкой кинопромышленности в системе «нового порядка». Суть явления он определяет как фашистскую попытку перенести «революцию» за пределы Германии, единство внутренней и внешней политики для него несомненно. Главным содержанием всех мероприятий он считает создание Большой экономической зоны, изолированной от остального мира, особенно от США. Автор не разделяет присутствующего в западногерманской историографии тезиса о примате фашистской политики над экономикой, характеризуя фашизм как «обыкновенный монополистический капитализм в новом обличье». Подчеркивая единство фашистской политики, автор обращает внимание на различия этой политики на Востоке и Западе [53. Р. 270—271, 276, 277].

Довольно широко рассматривается в буржуазной историографии вопрос о степени единства расовой и социальной теорий германского фашизма. Отдельные исследователи, например Сесл, очень убедительно показывают, что фашизм не стремился уничтожить классы, не предполагал эгалитаризма даже в тех случаях, когда пропаганда называла германских граждан членами привилегированной расы. «Фольксгеноссе знал, что должен завоевать мировое господство для партийгеноссе, а тот, в свою очередь, работал на элиту» [45. Р. 57, 64—65]. В приведенном суждении налицо преемственность относительно концепций 40-х гг. Параллельно в историографии существовал, временами на уровне противопоставления, тезис о «национальном единстве народа», некритически почерпнутый из фашистской пропаганды. Английские исследователи Чендлер и Дж. Ноукс, американский историк Х. Пахтер, а также авторы вышедшего в США коллективного труда о европейском фашизме понимают смысл фашистской социальной политики, сам термин «порядок» как ликвидацию разобщенного характера германского общества, подчинение частных интересов национальным. Примеры в подкрепление названного тезиса исследователи приводят из сферы политической, а не социальной унифика-

¹¹ Сведения об этом приводятся [52. С. 104—105].

ции — о запрете профсоюзов, организации «рабочего фронта», не упоминая, что указанный принцип осуществлялся и на оккупированной территории, не будучи там связанным с идеей «общности» [53. Р. 212; 54. Р. 222; 55. Р. 17, 19].

Искажение роли социальных и политических показателей приводит исследователей к попыткам противопоставить социальную систему в фашистской Германии политической. Французские историки К. Давид, А. Бернар, журналист А. Бриссо считают, что в Германии на первом месте — не государство, а общность, что смысл фашистской политики — создание «упорядоченной Европы, которой будет управлять германский народ» [30. Р. 63—64; 56. Р. 64; 57. Р. 166—170, 247]. В аналогичном контексте «новый порядок», по мнению Крамника и Уоткинса, представляет собой «постоянную тоталитарную диктатуру расы господ», цель которой — управление «низшими расами» [48. Р. 87].

В 80-е гг. рассуждения о государстве иногда переводятся в биологическую плоскость. По мнению, например, П. Грассе, фашистское государство построено по модели гнезда термитов, гораздо более совершенного, чем человеческое общество, в вопросе подчинения индивидуального всеобщему. Проводится его противопоставление демократическим установкам муравейника, что позволяет отнести концепцию Грассе к биологизированному варианту доктрины тоталитаризма [58. Р. 45]. Помимо этого, в данном случае не критически принимаются фашистские псевдонаучные построения в духе социал-дарвинизма, имеющие целью пропагандистскую обработку населения в русле идеи мирового господства, пропаганда выдается за самоцель.

Политические проблемы в трактовке «нового порядка» зачастую включают у буржуазных исследователей и вопрос подчинения культуры, рассматриваемый с иных позиций, сравнительно с периодом 40-х гг. М. Филипс, Б. Елавич именуют «новый порядок» «культурной революцией», созданием «новой цивилизации», которые станут возможными при ликвидации «деструктивных элементов» — понятие не расширявается, и создании «нового человека» [53. Р. 257, 263; 59. Р. 196]. На конференции в университете Сэлфорд (Великобритания) в 1973 г. говорилось применительно к условиям оккупационного режима о германском «уважении к французской культуре и ее носителям». Участники конференции, однако, не упоминали о преследовании демократической культуры, о тенденциях к коллаборационизму в консервативных кругах французской интеллигенции¹² [60. Р. 124].

По-прежнему незначительное внимание в историографии 60—80-х гг. уделяется нормативной стороне фашистского «но-

¹² Подробнее о коллаборационистской идеологии деятелей французской культуры [См.: 61].

вого порядка». Можно выделить две точки зрения по этому вопросу. Одна высказана Р. Коулем и состоит в понимании фашизма как беззакония, поскольку даже самый жестокий закон защищает и подданного, и властителя. По существу, Коуль повторяет без каких-либо комментариев точку зрения Ф. Ноймана, высказанную еще в 40-е гг. [36. Р. 922; Ср.: 16. Р. 77—80]. Иного взгляда придерживается Р. Сэмюэл, считающий, что расовые, экономические и социальные притязания фашистов нашли отражение в нюрнбергских законах [62. Р. 71, 76]. В марксистской историографии вопрос изучен недостаточно. Тем не менее бесспорно, что фашистская политическая система включала соответствующую нормативную часть.

Если рассматривать изученные работы с точки зрения концептуальности их подхода к проблеме, интерес может представлять лишь работа М. Филипса, ставящего вопрос о том, программой или пропагандистским лозунгом был «новый порядок». Полемизируя с буржуазными историками, считающими фашистскую политику «серией импровизаций» и аргументирующими свой тезис тем, что Гитлер якобы слишком часто отходил от собственного идеологического курса, Филипс справедливо полагает, что отклонения тем не менее не выходили за пределы общемпериалистических принципов [53. Р. 257—258]. Этому суждению недостает лишь уточнения, что фашизм — одна из разновидностей империализма, наиболее реакционная.

Практически с первых лет существования буржуазной историографии проблемы в ней выделяются основные вопросы, которые имеют мировоззренческий характер и в силу этого обстоятельства привлекают постоянное внимание исследователей. Главная проблема — содержание термина «новый порядок», куда входят вопросы о специфике фашизма сравнительно с предшествующей историей Германии, о соотношении в нем программных и пропагандистских установок, территориальном масштабе применения «нового порядка», о фашистской политической системе.

В зависимости от решения этих вопросов можно определить ориентацию исследователей в соответствии с принятым в отечественной историографии разделением на крайне консервативное, умеренно-консервативное, либеральное и демократическое направления.

Специфику фашизма, его коренное отличие от прежних отношений консервативные и либеральные исследователи видят в ликвидации прежнего государственного аппарата. Консервативные исследователи в связи с этим считают фашизм революцией, причем в зависимости от их понимания характера перемен крайние консерваторы склонны выдвигать на первый план расовый или культурный аспекты. Сущность изменений консервативные историки оценивают с позиций доктрины тоталитаризма, в 80-е гг. связывая ее с социал-дарвинизмом. Для крайне

консервативного направления характерны проявления реакционного идеализма, включая параллели фашизма с феодализмом или религиозными движениями (Р. Коуль, Н. Кон, Ж. Мабире). Умеренные консерваторы, анализируя политику фашизма на оккупированных территориях, обращаются к идиографическому методу, абсолютизируют частности и не усматривая их связи с основным направлением фашистской политики (Х. Мальтиц).

Сущность власти при фашизме умеренные консерваторы оценивают как тоталитарную диктатуру, примешивая элементы психоанализа и тезис о единоличной ответственности Гитлера. Для крайних консерваторов характерна абсолютизация пропагандистского аспекта «нового порядка», смешивание его социальной и политической систем и в связи с этим подмена государства при фашизме расовой общностью (А. Бернар, А. Бриссо).

Либеральные исследователи усматривают связь внутренней и внешней политики фашизма, отмечают его стремление к мировому господству. Но они недостаточно учитывают специфику фашизма, изолированно рассматривают элементы его политической системы (В. Нимеллер). Эти исследователи стремятся, правда, не всегда успешно, отделить программные и пропагандистские установки фашистской Германии, отмечают антикоммунизм как ведущую черту «нового порядка» (Ф. Бертен).

Демократические исследователи (М. Филипп, Э. Колотти) стремятся разоблачить фашистские преступления, обратить внимание на империалистический характер фашистской политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

¹ Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. науч. тр. Свердловск, 1987.

² Современное буржуазное государственное право: Крит. очерки. М., 1987.

³ *Vermell E. La propagande allemande.* P., 1939.

⁴ *Краль В.* Преступление против Европы. М., 1968.

⁵ Германская восточная политика в новое и новейшее время: Проблемы истории и историографии. М., 1974.

⁶ *Konzept für die "Neuordnung" der Welt: Die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg.* B., 1977.

⁷ *Butler R. d'O. The roots of national socialism (1783—1933).* N. Y., 1968.

⁸ *Amsler J. Hitler.* P., 1960.

⁹ *Einzig P.* Hitler's "New Order" in Europe. L., 1941.

¹⁰ *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. W-wa, 1970. Т. 2.

¹¹ *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией, 1939—1944. М., 1971.

¹² *Evans J.* The Nazi New Order in Poland. L., 1941.

¹³ *Delandsheere P., Ooms A.* La Belgique sous les Nazis, 1940—1941. Bruxelles, 1945.

¹⁴ *Moskowitz M.* Three years of the Protectorat of Bohemia and Moravia // Political Science Quartely. 1942. N 3.

- ¹⁵ Segal S. The new order in Poland. N. Y., 1942.
- ¹⁶ Neumann F. Behemoth: the structure and practice of national socialism. L., 1942.
- ¹⁷ Ryszka F. Literatura pod ciśnieniem historii. Katowice, 1967.
- ¹⁸ Deuel W. People under Hitler. L., 1942.
- ¹⁹ Гуров А. А. Капиталистическая интеграция и милитаризм. М., 1986.
- ²⁰ Средиземноморье и Европа. М., 1986.
- ²¹ Coudenhove-Kalergi R. Crusade for pan-Europe: Autobiography of a man and a movement. N. Y., 1943.
- ²² European ideologies: a survey of the 20th century political ideas. N. Y., 1948.
- ²³ Ludwig E. The moral conquest of Germany. N. Y., 1945.
- ²⁴ Fascism in action. Wash., 1947.
- ²⁵ Klein B. Germany's economic preparation for war. Cambridge, 1959.
- ²⁶ Leuschner J. Volk und Raum: Zum Stil der nationalsozialistischen Außenpolitik. Göttingen, 1958.
- ²⁷ Основы теории политической системы. М., 1985.
- ²⁸ Niemöller W. Macht geht von Recht: Der Prozess Martin Niemöller. München, 1952.
- ²⁹ Passant E. J. A short history of Germany, 1815—1945. Cambridge, 1959.
- ³⁰ David C. Hitler's Germany. N. Y., 1954, 1963.
- ³¹ Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
- ³² Dill M. Germany. Ann Arbor, 1961.
- ³³ Journal of politics. 1960. N 1.
- ³⁴ Преступление цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985, 1968, 1963.
- ³⁵ L'Occupazione nazista in Europa. Roma, 1964.
- ³⁶ The American political science review. 1960. N 4.
- ³⁷ Feudalism in History. Princeton, 1956.
- ³⁸ Chandler A. R. Rosenberg's Nazi Myth. Ann Arbor; London, 1961.
- ³⁹ Adolf Hitler and the Third Reich. Boston, 1971.
- ⁴⁰ Orlow D. The nazis in the Balkans: A case study of totalitarian politics. Pittsburg, 1968.
- ⁴¹ Barkin M. Disaster and the millenium. New Haven; London, 1974.
- ⁴² Cohn N. Les Fanatiques de l'Apocalypse. P., 1962.
- ⁴³ Stein F. The politics of cultural despair: A study in the rise of the Germanic ideology. Berkeley; Los Angeles, 1961.
- ⁴⁴ Mabire J. Thulé: Le Soleil retrouvé des hyperboréens. P., 1978.
- ⁴⁵ Cecil R. The myth of master race. L., 1972.
- ⁴⁶ Bertin F. L'Europe de Hitler. P., 1976. Vol. 1.
- ⁴⁷ Biddiss M. D. The age of the masses: Ideas and society in Europe since 1870. N. Y., 1977.
- ⁴⁸ Kramnick I., Watkins F. M. The age of ideology — political thought 1750 to the present. N. Y., 1979. 1964.
- ⁴⁹ Rubin A. P. Hitler and the Nazis. N. Y., 1979.
- ⁵⁰ Maltitz H. The evolution of Hitler's Germany: The ideology, the personality, the movement. N. Y., 1973.
- ⁵¹ Grunberger R. The 12-year Reich: A social history of nazi Germany, 1933—1945. N. Y., 1971.
- ⁵² Философия. Религия. Культура. М., 1982.
- ⁵³ The Shaping of the Nazi State. L.; N. Y., 1978.
- ⁵⁴ Pachter H. The Fall and Rise of Europe. N. Y., 1975.
- ⁵⁵ Nazis and Fascists in Europe 1918—1945. Chicago, 1969.
- ⁵⁶ Bernard H. L'autre Allemagne: La resistance allemande à Hitler, 1933—1945. P., 1976.
- ⁵⁷ Brissaud A. Hitler et l'ordre noir: Histoire secrete du nationalsocialisme. P., 1969.
- ⁵⁸ Grassé P. P. L'homme en accusation de la biologie à la politique. P., 1980.

⁵⁹ Jelavich B. History of the Balkans. Cambridge, 1983. Vol. 2: Twentieth century.

⁶⁰ Resistance in Europe: 1939—1945. L., 1975.

⁶¹ Sérant P. Le romantisme fasciste. P., 1960.

⁶² Australian journal of politics and history. 1963. N 1.

Д. А. МАКЕЕВ
Владимирский пединститут

Из истории советско-египетских торговых связей (1939-1948)

В довоенные годы политика египетского правительства в отношении Советского Союза была довольно непоследовательной. С одной стороны, Египет шел на контакты с советским рынком и даже изыскивал пути к установлению связей с Советским правительством, а с другой — он не признавал ни де-юре, ни де-факто социалистического государства [1]. Египетское правительство часто подвергалось критике за непоследовательность и инертность во взаимоотношениях с СССР [2. Л. 182]. Каирская газета «Ас-Сиасса» обращала внимание читателей на то обстоятельство, что между Египтом и Советским Союзом не было войны, которая могла бы резко обострить и привести к разрыву политические и экономические взаимоотношения. Однако западноевропейские союзники принудили Египет порвать все связи с Советской Россией. «Между тем, — подчеркивала газета, — сами они уже эти отношения восстановили. Они имеют своих послов в России, а Россия имеет своих представителей в Лондоне, Париже, Риме и Токио» [2. Л. 183]. Орган вафдистской партии «Аль-Балаг» призывал национальное правительство не забывать, что Советское государство может стать одним из лучших покупателей хлопка в Египте [2. Л. 183]. Некоторые предприниматели и политики признавали, что от торговли с СССР Египет имел бы «большую выгоду» [3. С. 687]. Депутат египетского парламента Р. Искандер Эфенди заявлял, что торговые отношения с Советским государством «слишком выгодны, чтобы ими пренебрегать» [2. Л. 119].

Экономические интересы толкали деловые круги Египта на сохранение неофициальных внешнеторговых связей с советскими хозяйственными организациями. Преодолевая многие трудности, определенная часть египетских деловых кругов изыскивала пути к свершению коммерческих сделок в третьих странах, например, в Турции. В конце 30-х гг. Египет оставался в числе видных импортеров советских лесоматериалов, на египетский рынок поступали небольшие партии нефтяных и химических продуктов, удобрений и каменного угля, отдельные партии сельско-